

ления наказов в предместье Сент-Антуан произошло какое-то столкновение между буржуа и рабочими. Рабочие выставили свои жалобы, буржуа ответили им грубостями. Особенно выделился своею наглостью некто Ревельон, собственник бумажной и обойной фабрики, сам когда-то бывший рабочим, но сумевший при помощи ловкой эксплуатации стать хозяином фабрики, на которой теперь работало до 300 рабочих. То, что он говорил, много раз пришлось слышать впоследствии: «Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевицы; белый хлеб - не для него» и т. д.

Есть ли какая-нибудь доля истины в сопоставлении, которое делали позднее богатые во время следствия по делу Ревельона, когда они указывали на факт, засвидетельствованный чиновниками у застав, а именно, что будто бы «громадная толпа» бедняков, оборванцев и всяких мрачных фигур явилась в те дни в Париж, об этом можно только строить предположения, в конце концов совершенно праздные. При том состоянии умов, какое было в Париже, и при гуле восстаний кругом столицы поведение Ревельона по отношению к рабочим само по себе служит достаточным объяснением того, что произошло на другой день.

27 апреля народ, раздраженный сопротивлением и словами богатого фабриканта, стал носить по улицам его чучело, чтобы судить его и сжечь на площади Грэвы, причем на площади Пале-Рояля распространился слух, что третье сословие присудило Ревельона к смерти. Но с наступлением вечера толпа рассеялась и только всю ночь наводила страх на богатых своими криками. Наконец, на следующее утро, 28-го, толпа явилась к фабрике Ревельона и принудила рабочих бросить работу; затем она взяла приступом самый дом Ревельона и разграбила его. Явились войска, но народ сопротивлялся, бросая из окон и с крыш что попало: камни, черепицы, мебель. Тогда войска стали стрелять, а народ ожесточенно защищался в течение нескольких часов. В результате оказалось 12 убитых и 80 раненых солдат, а со стороны народа - 200 убитых и 300 раненых. Рабочие завладели трупами своих убитых братьев и понесли их по улицам предместья.

Несколько дней спустя в Вильжюифе собралась толпа, человек с 500 или 600, и пыталась взломать ворота Бисетрской тюрьмы.

Так началось первое столкновение между парижским народом и богатыми, и оно произвело сильное впечатление. Это было первое появление на улице народа, доведенного до ожесточения; и призрак ожесточенной толпы глубоко повлиял на выборы, удалив от них реакционные элементы.

Нечего и говорить, что господа буржуа попытались выставить этот бунт делом врагов Франции. «Разве мог добрый парижский народ восстать против фабриканта?» - «Они подкуплены были английскими деньгами», - говорили одни. - «Недаром на некоторых из убитых оказались деньги!» - «Деньги принцев», - говорили революционеры из буржуазии. И никто не хотел понять, что народ взбунтовался просто потому, что он страдал и что ему надоело терпеть высокомерие богатых, оскорбляющих даже самые его страдания!¹

Таким образом, тогда же начала складываться мало-помалу легенда, которая впоследствии пыталась свести всю революцию к ее парламентской деятельности, а все народные восстания первых четырех лет революции выставляла *случайными* явлениями: делом разбойников или же агентов, находившихся на жалованье у английского министра Питта или у реакции. Впоследствии эту легенду стали повторять и историки: «Так как этот бунт мог быть использован двором как предлог, чтобы отложить открытие Генеральных штатов, следовательно, он мог быть только делом реакции». Сколько раз стали кивались мы с подобными же рассуждениями и в наши дни!

В действительности дни 24–28 апреля - предвестники дней 8–14 июля. С этого времени парижский *народ* проявляет свой революционный дух, зарождающийся в рабочих слоях предместий. Рядом с садами Пале-Рояля, которые стали революционным клубом буржуазии, вставали рабочие предместья - центры народного восстания. С этого момента Париж становится очагом революции, и взор Генеральных штатов, имеющих собраться в Версале, будет обращен с надеждою к Парижу. В нем будут они искать той силы, которая поддержит их и будет толкать их вперед, к борьбе за выставленные ими требования, против козней двора.

IX

¹ Реакционный историк Дроз (Droz J. — F. — X. Histoire du regne de Louis XVI pendant les annees ou l'on pouvait prevenir ou diriger la Revolution francaise, v. 1–3 Paris, 1858) вполне справедливо заметил, что деньги, найденные на некоторых из убитых, могли быть продуктом грабежа.